

"Словарь белорусского наречия" Н.И.Носовича как источник историко-этимологических и этнолингвистических сведений для фризологии

Л.И.КОЗЫРЕВ

Несомненно, что фризологические системы даже близкородственных языков, несмотря на очевидную близость, представляют собой национально-специфические образования. В то же время нельзя не отметить ни общность значительной части фризологического фонда, ни общие тенденции, и часто и результаты развития конкретных фразем. Таким образом, большое количество ФЕ, приводимых в рассматриваемом Словаре (СПО., 1870), дает нам важные сведения и для русской исторической фризологии (так, например, материал, приводимый в Словаре, заставляет усомниться в традиционных этимологиях для *из* поговору разбить, *ни* в зуб толкнуть).

Во фризологии отражается народная жизнь, мудрость, народные менталитет. Н.И.Носович писал, что белорусские народные поговорки "составляют для простого народа прикладную-практическую философию. Белорусы все факты, все случайности человеческой жизни, все поступки, как хорошие, так и дурные, и всякое даже суждение о чем-либо поводит под мерку поговорок своих". Во фризологии (отметим, что, учитывая гипотетический аспект изучения, мы понимаем фризологию широко) мы находим и шор (кто себе не вчук? /с.10/; у коханки смолянина ланки /с.249/; много в хвосте соборку /с.267/; кулик чайку узяв за чубчик /с.700/...), и позоря, мифологически представленные (белзурочный хлопц; и чарное воко не зглазичь /с.24/; бродлив дух: по соборку з рота скинчизь /с.33/; космбрився з белуном, т.е. разбогачил /белун - добрый дух; с.41/; воляк отрав, т.е. поочастливилось /с.62/; икнулось мне больно: нехто злом пачинув /с.224/; сорока нехотела, госпоя извала /с.227/; оусим зникчмннн хлопц, хоць на соборку повесць /с.340/; шцигни достригу; а то скажуць, што за шцигне не плачано /с.673/; хвост нахилился в святце - пачну бичь /с.677/; царик оглуниць, холи крикнець /шарик - воображаемый дух, властелин леса; с.685/; цыркун в порогу цыркавец, нехто выбулаець от нас /с.686/; чортов полонц /с.700/; на кядук /с.739/...), и различного рода наблюдения над окружающим миром /бит, история, природа, сельское хозяйство, этнографические детали и т.д./ (до новых венников не забуду бакалпровой павуки /с.13/; блёкоту изволя /с.26/; отарый вол николн борошни не сонсуець /с.31/; збор-колада /с.196/; уси мои зборн, ланци дз оборн /с.196/; поп хвинець з алтари, а писарь

с каламара /с.228/; ходиш, як ошмянский шляхциць, одну калошу выпустивши, а другую обувши /с.228/; на Миколу нету ни зими ни лета /с.284/; месько цялятко, а сельское дзецятко /с.296; ср. с.687/; попал в нерет, ни назад, ни наперед /с.336/; требник – поповский хлебник /с.638/; шейна война /с.708; влияние на развитие значения ФЕ, как кажется, оказала не только ассоциация с войной "под предводительством Шеина в смутные времена России", но и лексема шей; ср.: ты бы его шейной водкой/)... Интересным материалом для восточнославянской фразеологии являются фиксируемые в Словаре варианты ФЕ: хто старое помянець, тому распекши палец да в воко /с.64/; ни трец, ни мнец, ни в дуду игрец /с.224, с.639/; ни швец, ни мнец, ни в дуду игрец /с.286, с.708/; ближе сорочка к целу, чим-си кабат /с.226/; напужаная ворона и веребья боицца /с.316/; за одного битого двух небитых даюць, да не беруць /с.327/; на тебе, небоже, што нам негоже /с.329; небога – приятель, любезный – с.327/; носицца, вносила-ся, як писаная торба /с.342/; носицца як писаная торба, т.е. письменная сумка /с.415; считается, что оборот носицца як дурань з писанай торбай заимствован из украинского языка; учитывая материал И.И.Носовича, можно предположить, что эта ФЕ является контаминацией выражений носицца як дурань и носицца як писаная торба/; не хопайся наперед бацьки на шибеницу /с.682/; ни хуху, ни духу /с.685; см. еще с.149; ср. ФЕ ні слуху ні духу, которая считается заимствованной из русского языка/...

Внутренняя форма ФЕ обычно раскрывается толкованием "темных" лексем в ее составе: байды биць /с.12/; баку забиваць /с.13/; балком-пес /с.13; ср. халком-пес – с.675/; благим матом /с.26, с.282/; вомиги возьмеш /с.66/; дуець на Усе заставки /с.186; в современных словарях у ФЕ на Усе заставки выделяют пять значений/; спушив нос на квинты /с.233/; мыла зъев /с.295/; пудло дав /с.538/; дав ему хорошого фаеру /с.673/; задав ему фарнаписку /с.673/; я дав ему фей-феру, фейферу /с.673/; дали ему хорошую финфу /с.674/; дав ему хорошее футрование /с.674/... Встречается и более подробный комментарий: тынь трава. Букв. трава, растущая под тыном. Говорит и тринь-трава. Пустяки, ничего не стоящая вещь или дело /с.646; укажем, что эту этимологию поддерживает М.Фасмер, но ссылается на книгу А.Бикнера (1877 г.)/; бринды биць. Байлуши биць, букв. играя пальцем по губам производить: брил-брин /с.34/... Некоторые из предположений требуют дополнительного изучения (отметим, что наличие "конкурирующих" этимологий характерно и для современного состояния науки): ро-

ницъ, понес туруси на колёсах /с.644; турусы... звуконодр. букв. треск от быстрой езды, грохот, перен. пустая болтовня - с.644; ср. укр. туртус "стук, грохот"/; цугундэр (заимств. из евр.-немецк. *Zug Hunden* - к собакам) 1). бездельник, плут... 2). строгое взыскание, кандалы, цепи. Узли, повели на цугундэр /с.690; ср. еще гундэр... Негодйй, лентяй. На пса не годзес гундэр гетый - с.125/; пык. нар. означающее заикание, заинавание. А ни пык не знаецъ /с.540; можно предположить, что лексема пык выступает здесь со значением "отгл. частица, означающая курносые трубки..." А ни пык, ни в зуб колонуць - с.542; как кажется, обе части (ни пык, ни в зуб) претерпевают одинаковые изменения; ср. еще ни пык не учився, ни пык не умеецъ - с.340, ничего нема, ни в зуб колонуць - с.242/... Иногда значение лексемы, входящей во ФЕ, намечается, по-видимому, на основе фразеологизма: аз... Эга, эги. Ни азу не видно на дворе. Ни азу в глазу /с.3/; ни азу... Совершенно ничего, ни эги /с.339/; пантолык... Спесь, чванство, самонадеянность. С пантолыку збили и пантолык твой пропав /с.392; ср. спонтолыку. Совершенно с толку, употребляется с глаголом збиць, збицца. Ви мене збили спонтолыку. За вами спонтолыку збився человек - с.607/...

Широкое введение И.И.Посовичем в Словарь фразеологического материала позволяет сгруппировать фраземы по различным признакам (семантика, структура, конкретная лексема и т.д.) и сделать определенные выводы. Так, например, еще Ф.И.Буслаев в "Опыте исторической грамматики русского языка" (М., 1858) указывал на возможность употребления "вместо отвлеченного отрицания... слов, означающих частное, наглядное представление, для того, чтобы обозначить отрицание известного предмета. Напр. ни капли, ни крошки, ни синя порошу, ни эги, ни зерна, ни макова зерна, и мног. др." (Ч.П, с.77). Широко фиксируются подобные образования и в Словаре: ни аза, ни бубинки, ни былинки, ни везъ, ни гугу, ни калива, ни каливка, ни капли, ни капельки, ни кропли, ни крошки, ни крошечки, ни пороха, ни порошинки, ни пык, ни пылинки, ни пылиночки, ни синь-порох, ни росинки, ни росочки, ни трешечки, ни трусочки и др. Их анализ подтверждает вывод исследователей фразеологии о тенденции к расширению сочетаемости подобного типа количественных фразем и о приобретении ими более отвлеченного значения (ср.: ни калива не дав хлеба на посев; ни калива не дав из плацця, из скоцины /с.228/; ни калива не боюся, ни калива не ев /с.339/).